

Проф. И. А. Сикорскій.

БИБЛИОТЕКА
СТУДЕНТОВЪ-МЕДИКОВЪ

№ _____

Новоградъ-Волинскій Университетъ

2591

ПСИХОЛОГИЧЕСКІЯ

ОСНОВЫ ВОСПИТАНІЯ.

Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ засѣданіи Второго
Съѣзда Отечественныхъ Психіатровъ въ Кіевѣ Профессоромъ
Психіатріи при Университетѣ Св. Владиміра

И. А. Сикорскимъ.

Отд. от. изъ № 3-го Дневника 2-го Съѣзда Отечественныхъ Психіатровъ въ Кіевѣ.

2012

1972

КІЕВЪ.

Типографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о.

Караваевская ул., д. № 5

1905.

ИНВЕНТАР

№ 3472

1952

15.

~~618.92~~

Дозволено цензурою, г. Київъ, 20-го сентября 1905 г.

ПЕРЛЮДІК

Психологическія основы воспитанія.

Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ засѣданіи Второго Съѣзда Отечественныхъ Психіатровъ въ Кіевѣ, 8-го сентября, профессоромъ Унив. св. Владиміра

И. А. Сикорскимъ.

Искусство воспитанія и искусство психіатрическое имѣютъ между собою точки соприкосновенія и нѣчто общее. Оба искусства обращены на человѣческую душу, оба требуютъ широкой, всесторонней подготовки, притомъ подготовки не только профессиональной, но и нравственной; искусство воспитанія имѣетъ всеобъемлющую важность, искусство психіатрическое имѣетъ великую важность. Въ жизни оба искусства сближены:—то, что недодѣлано и нехорошо исполнено педагогомъ, подготавливаетъ почву для будущихъ профилактическихъ и врачебныхъ дѣйствій психіатра. Существуетъ, однако же, и болѣе глубокое внутреннее соотношеніе между обоими искусствами. Новѣйшія наблюденія надъ развитіемъ въ раннемъ дѣтствѣ открыли фактъ величайшей важности, состоящій въ томъ, что многія неправильности въ характерѣ человѣка и въ его способностяхъ получаютъ свое начало въ раннюю пору, въ первые мѣсяцы и годы жизни и ведутъ къ стойкимъ особенностямъ душевнаго склада будущаго взрослого человѣка. До послѣдняго времени эти особенности принято было считать за нѣчто прирожденное, неустранимое, и однако же оказывается, что, на самомъ дѣлѣ, эти недостатки доступны врачебно-педагогическому воздѣйствію; сюда относятся различныя умственные недоразвитія, односторонности, нарушенія цѣльности и гармоніи духа, зависящія отъ невнимательнаго и неправильнаго воспитанія, отъ ненадлежащаго хода душевнаго развитія. Этого рода перемѣны столь часты, столь распространены, что у людей укоренилась даже мысль, будто мы здѣсь имѣемъ дѣло съ глубокой природ-

ной особенностью, а не съ самымъ обыкновеннымъ искусственнымъ жизненнымъ продуктомъ—съ самымъ банальнымъ артефактомъ, какъ бы сказалъ врачъ на техническомъ языкѣ своей специальности. Провидательные изслѣдователи давно предчувствовали этотъ фактъ. Знаменитый французъ-психіатръ Эскироль уже 100 лѣтъ тому назадъ сказалъ: *l'altération de nos moeurs se fera sentir d'autant plus longtemps, que notre éducation est plus viciée*. Ту же мысль своимъ сильнымъ художественнымъ словомъ Помяловскій выразилъ слѣдующимъ образомъ: „станутъ бить ребенка по головѣ, сдѣлается дуракомъ, хотя и не родился такимъ; воспитаютъ его танцмейстеръ, выйдетъ изъ него кукла; откормятъ на краденныя деньги, отзовется и это.“ Такимъ образомъ, милостивые государи, открываются новыя широкія перспективы для педагогическаго усовершенствованія людей. Дѣятельность на этомъ новомъ поприщѣ воспитательныхъ заботъ предстоитъ въ равной мѣрѣ и психологу, и врачу, и педагогу. Эти три специальности сблизятся на новой нивѣ знакомства съ душою ребенка и психологіей дѣтства. Въ совместной дружной работѣ многихъ специалистовъ, душа дитяти, съ ея нормами и отклоненіями, съ ея физиологическими и патологическими варьянтами, станетъ предметомъ возникающаго новаго воспитанія юныхъ поколѣній.

I. Дошкольный періодъ.

Изученіе души ребенка совместнымъ трудомъ психологовъ, педагоговъ, психіатровъ и педиатровъ является новымъ научнымъ отдѣломъ и новымъ практическимъ долгомъ человѣческихъ обществъ. Жизнь, всегда чуткая ко всему, что касается дѣтства и юности, уже отвѣтила на этотъ долгъ двумя научно-педагогическими организаціями—устройствомъ Врачебно-Педагогическихъ Институтовъ и организаціей Врачебно-Педагогическихъ Съѣздовъ. Во Врачебно-Педагогическихъ Институтахъ находятъ себѣ, въ единомъ учрежденіи, и семью и школу тѣ дѣти, духовное и нервное развитіе которыхъ уклонилось въ сторону въ столь рѣзкихъ пропорціяхъ, что имъ нѣтъ мѣста въ обыкновенныхъ школахъ. Учрежденія этого рода не только осуществляютъ идею человѣколюбія въ отношеніи дѣтей, но и являются истинной педагогической клиникой, крайнее полезной для спеціальной педагогической подготовки и для личнаго нравственнаго усовершенствованія воспитателей.

Въ Врачебно-Педагогическихъ институтахъ сблизились между собою три основныя фактора истиннаго воспитанія: школа, психологическая медицина и семья. Мы увидимъ далѣе, что этимъ тремъ факторамъ предстоитъ задача создать и разработать прототипъ идеи новѣйшаго воспитанія не только для средней, но и для высшей школы. Стрем-

леніе установить и научно обосновать идею новѣйшаго воспитанія нашло себѣ выраженіе въ происходящей въ настоящую минуту широкой инициативѣ выдающихся нѣмецкихъ педагоговъ, психологовъ, психіатровъ и педиатровъ—созвать Съѣздъ, предметомъ котораго будетъ всестороннее изученіе природы дитяти съ физической и психической стороны и со стороны здоровья и болѣзни; Съѣздъ, которому нѣмцы придали эпитетъ Deutschsprachisch, обнимаетъ предѣлы Германскаго народа и имѣетъ цѣлью выработать систему новаго воспитанія¹⁾. Другой Съѣздъ подобнаго же рода уже заѣдаетъ въ Люттихѣ въ настоящее время, одновременно съ Вторымъ Съѣздомъ русскихъ психіатровъ. Важность намѣченныхъ начинаній не требуетъ доказательствъ. Въ этихъ начинаніяхъ содержится ядро, уже въ настоящее время видимо обозначившееся—ядро изученія дошкольнаго періода дѣтской жизни. Періодъ этотъ былъ поистинѣ покрытъ мракомъ невѣденія. Старшіе не знали, что нужно дать этимъ дѣтямъ въ педагогическомъ отношеніи. Оттого дѣти дошкольнаго возраста были, съ одной стороны, радостью и утѣшеніемъ семьи, и съ другой стороны—досаднымъ беспокойнымъ элементомъ, который причиняетъ нескончаемое нарушеніе ровнаго и гладкаго теченія нашей жизни. Причина зла лежитъ въ непониманіи этого возраста человѣческой жизни. Можно сказать не обинуясь, что и семья и педагоги, психологи и врачи въ равной мѣрѣ мало свѣдуци въ отношеніи дошкольныхъ дѣтей; вслѣдствіе этого установилась полное случайностей, лишенное плана, истинно бездѣятельное и суевѣрно—консервативное отношеніе къ дошкольнымъ дѣтямъ. Они поистинѣ заброшены за счетъ старшихъ и младшихъ дѣтей!

Въ настоящее время этому положенъ предѣлъ: изученіе періода перваго дѣтства, т. е. возраста до семи лѣтъ, стало предметомъ самаго широкаго и самаго компетентнаго изслѣдованія по программамъ всесторонне обдуманнмъ и разработаннымъ²⁾. Въ этой новой научно-практической области содержится соединительное звено между семьей и школой. То глубокое раздѣленіе и взаимное непониманіе, какое существуетъ и до настоящаго дня между семьей и школой, обязано своимъ существованіемъ, съ одной стороны, отсутствію, у профессиональныхъ педагоговъ, наблюдательности и опыта матерей и нянь, а съ другой—чувству удивленія и страха, съ какимъ семья, не безъ основанія, смотритъ на сухой, можетъ быть и дѣловитый, но шаблонный и чуждый теплоты

¹⁾ Съѣздъ соберется въ Берлинѣ зимой настоящаго года или весной 1906 г.

²⁾ Съѣздъ въ Берлинѣ раздѣленъ на пять секцій: 1) Тѣло ребенка; 2) Душа ребенка; 3) Воспитаніе нормальныхъ дѣтей (Педагогика); 4) Воспитаніе ненормальныхъ дѣтей (Врачебная педагогика и призрѣніе); 5) Терапія дѣтскаго возраста и школьная гигиена. Участники Съѣзда: педагоги, психологи, врачи, психіатры, педиатры.

режимъ школы. Эти два различные принципа, взаимно исключаютъ другъ друга, еще не сдѣлали шага къ взаимному сближенію—къ неисчислимому вреду для юныхъ душъ!

II. Средняя школа.

Основнымъ недостаткомъ средней школы является односторонняя постановка дѣла воспитанія, чуждая психологическаго пониманія. Современная средняя школа беретъ подъ свое попеченіе только умъ ученика, но почти совершенно забываемъ о существованіи чувства и воли у юнаго человѣческаго существа.

Въ теченіе минувшихъ временъ средняя школа въ нашемъ отечествѣ, начавшись довольно правильной постановкой въ Уваровскихъ гимназіяхъ въ началѣ XIX вѣка, къ концу вѣка все болѣе и болѣе отклонялась отъ истиннаго идеала и, въ такъ называемыхъ классическихъ гимназіяхъ графа Дмитрія Андреевича Толстого, достигла крайняго предѣла односторонности. Этотъ Министръ, глубоко не понимавшій задачъ воспитанія, полагалъ, что воспитаніе есть дѣло семьи, а не школы, что школа должна только учить и развивать умъ питомцевъ, сообщать имъ свѣдѣнія, готовить въ университетъ и проч. Сообразно такому взгляду самая задача гимназій была извращена: вмѣсто учебно-воспитательныхъ заведеній, онѣ обращены въ среднія учебныя заведенія, воспитанникъ превратился въ ученика, а воспитаніе замѣнилось надзоромъ и дисциплиной; и самое умственное развитіе обращено въ гимнастику ума, которую приверженцы системы превозносили и признали панацеей. Болѣе односторонняго законодательства еще никогда не видѣло наше отечество! Воспитаніе почти исключено изъ самой программы гимназій. Единственнымъ воспитательнымъ орудіемъ гимназій указаны пансіоны при гимназіяхъ—„для облегченія родителей, не имѣющихъ возможности воспитывать дѣтей дома“. Воспитаніе исчезло, и даже директоръ гимназіи изъ главнаго руководителя педагогическимъ дѣломъ обращенъ въ начальника заведенія. Послѣдствія не замедлили сказаться: на арену жизни, съ аттестатомъ зрѣлости, выступило новоявленное существо съ дрессированнымъ схоластическимъ умомъ, но съ недостаточнымъ развитіемъ чувства и съ недостаточной волей. Жизнь, не безъ основанія, дала ему кличку интеллигента, создавъ для того новое слово и новое понятіе, котораго не знаютъ культурные народы Европы. Психологическая характеристика воспитанниковъ, выходящихъ изъ классическихъ гимназій, сдѣлана шесть лѣтъ тому назадъ двѣнадцатью Московскими профессорами, съ покойнымъ психіатромъ Корсаковымъ во главѣ, и представлена, въ качествѣ документа, въ Высочайше учрежденную комиссію по вопросу о преобразова-

ни средней школы. То, что наблюдается у абитуриентовъ говорятъ московскіе профессора, наводитъ на самыя грустныя размышленія: самостоятельность мысли у нихъ не только не развита, но притуплена, не видно привычки ни наблюдать явленія, ни анализировать ихъ комбинаціи, ни производить обобщеній, ни оцѣнивать критически чужія мысли и слова. На питомцахъ школы, построенной на изученіи языковъ, поражаетъ, говорятъ профессора, неумѣнье выражать мысли ясно и правильно. Независимо отъ этой тонкой психологической характеристики, сама жизнь сплошь и рядомъ отмѣчала, что питомецъ такой школы бывалъ нерѣдко хорошо обученъ, и въ то же время онъ оставался лишеннымъ „здраваго смысла“. Въ такой психологической каррикатурѣ, до которой доводитъ средняя школа, юноша иной разъ бываетъ хуже неученаго простака, который, будучи лишенъ книжнаго знанія, обладаетъ здравымъ смысломъ, то-есть всѣми силами своей души въ ихъ надлежащей цѣлости и гармоніи, а не развитіемъ одного только ума, какъ юноша — классикъ.

Истинное духовное развитіе предполагаетъ собою гармоническій ростъ и усовершенствованіе основныхъ сторонъ души, т. е. ума, чувства и воли, со всѣми деталями и варьянтами. Одно развитіе ума, въ особенности, такъ называемая гимнастика ума дѣлаетъ человѣка софистомъ, даетъ ему мѣфистофельскую тонкость, жесткость, холодность, шаблонность, способность формулировать умственные фикціи и въ тоже время... не видѣть истины, не чуютъ правды! Холодный умъ лишенъ глубины и пронизательности мысли. Эти послѣднія качества даются только тѣмъ, что, на своемъ художественномъ языкѣ, Бѣлинскій назвалъ „осердеченнымъ умомъ“, т. е. объединенной силой ума и чувства. Пониманіе истины, проникновеніе въ нее доступно только осердеченному уму. Такимъ образомъ, умственное развитіе, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, не возможно безъ единовременнаго развитія чувства или — какъ обыкновенно выражаются — сердца. Только осердеченный умъ обеспечиваетъ человѣку возможность пониманія того, что происходитъ въ немъ, и того, что совершается въ немъ самомъ — въ его интеллектуальномъ и нравственномъ развитіи.

Въ планѣ душевнаго развитія наивысшая роль принадлежитъ развитію чувства въ юныя годы. Развитіе чувства дѣлаетъ юношу нравственно чуткимъ и отзывчивымъ, какъ къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, такъ равно и къ актамъ собственнаго сознанія. Чувство даетъ намъ своего рода познаніе, и хотя это познаніе смутно и безъотчетно, но оно достоверно, тонко и предупредительно. Въ послѣднемъ свойствѣ содержится условіе особеннаго, благодѣтельнаго воздѣйствія чувства на другіе психическіе процессы, т. е. на умъ и волю: чувство даетъ этимъ актамъ поощреніе и поддержку, или, наоборотъ, предостерегаетъ отъ нихъ и мѣшаетъ

имъ. Благодаря этому, самые зародыши мыслей и зачатки намѣреній и рѣшеній могутъ быть или поддержаны и подкрѣплены чувствомъ, или ослаблены и подавлены: чувства то раздуваютъ вспыхивающую въ душѣ искру, то холодятъ и гасятъ ее. Благодаря этому чувство и его развитіе стало на высоту первостепеннаго жизненнаго требованія; и, если мы развиваемъ умъ, для интересовъ знанія, то чувство культивируемъ по глубокому запросу нашего духа. Великіе люди ищутъ силы чувствъ и одушевленія, страшатся сѣраго, безцвѣтнаго существованія, жаждутъ вдохновенія и тяжело страдаютъ, какъ Лермонтовъ, когда вдохновеніе падаетъ и когда поэтъ, своимъ художественнымъ чутьемъ, опредѣляетъ пониженіе физиологической возбудимости въ своихъ высшихъ нервныхъ центрахъ. Такое состояніе изображено Лермонтовымъ въ посвященіи къ первому очерку поэмы Демонъ:

Я буду пѣть, пока поется,
Пока, друзья, въ груди моей
Еще высокимъ сердце бьется
И жалость не погибла въ ней!
Но той веселости прекрасной
Не требуй отъ меня напрасно;
И юныхъ, гордыхъ дней, поэтъ,
Ты не вернешь: ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ.....

Дѣйствіемъ чувства вызывается широкая идейная и нравственная жизнь и обеспечивается полнота и глубина духовнаго существованія челоуѣка—при общемъ подъемѣ темпа всей душевной жизни. Если работа чувства необходима въ теченіе всей жизни, то въ юности ему принадлежитъ величайшее значеніе!

Художественная литература всегда была зеркаломъ, въ которомъ отражается душа и жизнь общества, а писатели, одаренные Божіей искрой, являются истинными діагностами, которые распознаютъ добро и зло, здоровье и болѣзнь общественной души. Для психіатра художественная литература составляетъ истинную настольную книгу его профессіи. И вотъ, если мы, психіатры, раскроемъ нашу настольную книгу, мы убѣдимся, сколько несравненныхъ указаній даетъ намъ писатель для распознаванія существующаго или начинающагося нравственнаго зла въ общественной и индивидуальной душѣ. Мы также найдемъ здѣсь и отвѣтъ на разбираемый сейчасъ вопросъ—о значеніи чувства въ циклѣ духовнаго развитія, найдемъ и указаніе на то, въ какой мѣрѣ чувство развито въ современныхъ поколѣніяхъ, и какъ отражается на общественной душѣ степень этого развитія. Обратимся къ двумъ писателямъ, которые тѣмъ дороже и тѣмъ ближе намъ, что они вышли изъ врачебной среды. Я разумю Чехова и Вересаева.

Чеховъ изображаетъ монотонную, пустую, будничную жизнь, лишенную бодрящаго и возбуждающаго дѣйствія идеаловъ. Погруженные въ тину мелкихъ, ничтожныхъ интересовъ, герои Чехова лишь слабо чувствуютъ спертую атмосферу, въ которой пребываютъ. У нихъ слабо развито чувство, но столь же слаба у нихъ воля; поэтому они слабо и жалко реагируютъ на самый фактъ своей нравственной пустоты. У этихъ героевъ есть только умъ, т. е. то, что даетъ своему воспитаннику наша средняя школа, и потому на этихъ герояхъ хорошо видны ошибки современнаго воспитанія. И вотъ, на герояхъ Чехова мы видимъ, какъ умъ безсиленъ вывести человека изъ нравственной латаргіи, если этотъ умъ одинокъ, если онъ не согрѣтъ чувствомъ и не подкрѣпленъ волей. Впрочемъ мы, психіатры, хорошо знаемъ подобное состояніе: наши „хроники“, составляющіе три четверти населенія психіатрическихъ больницъ, представляютъ собою нѣчто въ родѣ „Чеховскихъ героевъ“ дома умалишенныхъ. „Хроники“ сохранили умъ и отчасти волю, но утратили чувство, они стали равнодушными къ дѣйствительности и къ собственному бреду и остаются въ тупомъ безразличіи, не отвергая своего бреда, но и не стоя за него горой. Вотъ какія глубокія переменны вносятся въ душу слабостью чувства!

Два писателя-врача, Чеховъ и Вересаевъ, показываютъ на художественныхъ образцахъ, что дѣлается съ человекомъ при слабомъ развитіи чувствъ (Чеховъ) и что бываетъ наоборотъ, когда чувство тонко развито и руководитъ человекомъ въ жизни (Вересаевъ).

Недостаточное развитіе чувствъ, легкомысленное безразличіе, черствость души, отсутствіе отзывчивости изображены Чеховымъ въ простомъ, но высоко-художественномъ разсказѣ „Тоска“, гдѣ представленъ бѣдный, убитый горемъ извозчикъ, потерявшій сына, скончавшагося въ больницѣ. Осиротѣлый отецъ пытается обратиться къ людямъ, подѣлиться съ ними своимъ тяжкимъ горемъ, найти себѣ въ этомъ утѣшеніе; онъ силится вызвать къ себѣ участіе, онъ говоритъ: „Баринъ, а баринъ, у меня сынъ померъ“, и въ отвѣтъ получаетъ: померъ!—ну, что же, всѣ померъ, или просто, не взирая на его горе, ему отвѣчаютъ: поѣзжай, поѣзжай, этакъ мы и до завтра не доѣдемъ. Послѣ многихъ попытокъ найти у людей сердце, страдалецъ убѣждается, что дальнѣйшее обращеніе къ людямъ уже бесполезно... Онъ возвращается домой со своего промысла. Здѣсь опять мрачная свинцовая тоска съ новой силой охватываетъ его; думать объ овсѣ, о сѣнѣ, о погодѣ еще возможно, но думать о сынѣ, когда онъ остается одинъ, у него нѣтъ силъ... Поговорить съ кѣмъ-нибудь о сынѣ можно, но самому думать и рисовать себѣ его образъ невыносимо жутко. И вотъ, онъ, забывшись, идетъ въ конюшню среди безсонной ночи и обращается съ рѣчью къ своей лошади.

— Жуешь?— спрашиваетъ Иона свою лошадь, видя ея блестящіе глаза— Ну, жуй, жуй... Коли на овесъ не вывадили, сѣно вѣтъ будемъ... Да... старъ ужъ сталь я вѣздить... Сыну бы вѣздить, а не мнѣ... То настоящій извозчикъ былъ... Жить бы только.

Иона молчитъ нѣкоторое время и продолжаетъ:

— Такъ-то, братъ кобылочка... Нѣту Кузьмы Юныча... Приказаль долго жить... Взялъ и померъ зря... Таперя, скажемъ, у тебя жеребеночекъ, и ты этому жеребеночку родная мать... И вдругъ, скажемъ, этотъ самый жеребеночекъ приказаль долго жить... Вѣдь жалко?

Лошаденка жуесть, слушаетъ и дышетъ на руки своего хозяина...

Иона увлекается и рассказываетъ ей все...

Животное слушало своего хозяина, согрѣвая его холодныя, тоскливыя руки своимъ теплымъ дыханіемъ. Этимъ простымъ, но глубокомысленнымъ разговоромъ художникъ хотеть намъ сказать: люди забыли, что въ природѣ существуетъ боль, что въ мирѣ есть скорби и страданія; люди, разумныя существа, забыли, что страдалецъ не можетъ жить безъ согрѣвающего участія ближнихъ. И, вотъ, этого именно участія онъ не нашель у людей, и только въ душѣ безсловеснаго животного, которое, слушая рѣчи страдальца, что-то смутно поняло своимъ инстинктомъ, сказанъ первый отвѣтъ на человѣческое горе. Несчастнй отецъ, горюющій объ утратѣ сына, нашель себѣ первое участливое чувство у животного и сейчасъ рассказаль ему про свои тяжскія страданія. Трудно представить себѣ болѣе строгій приговоръ русскому интеллигенту и нашему воспитанію, какъ тотъ приговоръ, который содержится въ только что разобранномъ разсказѣ Чехова: „Тоска“.

Обратныя картины рисуесть намъ Вересаевъ. Вересаевъ—писатель-идеалистъ. Его герои ищуть добра, тонко распознають всѣ его проявленія, страдаютъ, когда добра въ душѣ нѣтъ, когда огонь чувства гаснетъ, когда это высокое аналитическое орудіе души притупляется. Они ищуть чувства, какъ глазъ ищетъ свѣта, и тогда все существо ихъ одушевляется, и вся душевная жизнь начинается идти высокимъ темпомъ. Этотъ психологическій фактъ одушевленно иллюстрируется Вересаевымъ въ небольшомъ произведеніи „Звѣзда“, проникнутомъ высокимъ художественнымъ пламенемъ.

Если съ точки зрѣнія исторической послѣдовательности мы взглянемъ на людей двухъ смежныхъ общественныхъ періодовъ, какъ они изображены у Тургенева и Чехова, то увидимъ, что предъ нами раскрывается фактъ совершившейся перемѣны въ обществѣ. Тургеневъ въ разсказѣ „Маша“ изображаетъ семейное горе: чувства мужа, потерявшаго жену. Жена была молодая, здоровая, любимая, но „холера въ единъ день порѣшила ее“. Въ этомъ Тургеневскомъ разсказѣ, какъ и у Чехова, изображенъ извозчикъ; оба разсказа сходны какъ по концепціи, такъ

и по многимъ внѣшнимъ подробностямъ: у Тургенева и у Чехова изображена утрата дорогого существа и поиски за участіемъ и утѣшеніемъ въ постигшемъ горѣ; въ обоихъ разсказахъ подчеркивается фактъ, что горе было видимо, что оно крупными чертами было написано на лицѣ и въ фигурѣ изображенныхъ героевъ. Разница лишь въ томъ, что разсказъ Чехова еще трагичнѣе, чѣмъ разсказъ Тургенева. У Тургенева сѣдокъ сразу замѣтилъ печальное, хмурое лицо извозчика, замѣтилъ печаль и въ его голосѣ и первый пошелъ на встрѣчу:

— Что, братъ? Отчего не весель? А ли горе есть какое?

— Есть, баринъ, есть, промолвилъ не сразу извозчикъ, „да и такое, что лучше быть не надо. Жена у меня померла“.

Чеховскій страдалецъ, извозчикъ Иона Патаповъ былъ еще болѣе отмѣченъ печатью страданья, чѣмъ Тургеневскій извозчикъ: онъ согнулся отъ горя настолько, насколько только можно согнуться живому тѣлу, онъ какъ меланхоликъ сидѣлъ на козлахъ не шевеляся; но никто изъ многихъ смѣнившихся сѣдоковъ не замѣчаетъ его горя: сѣдоки шутили, смѣялись, сквернословили, бранились, ругались, грубовато и пошло глумились надъ извозчикомъ. Бѣдный извозчикъ стучался въ ихъ человѣческія души, ища поддержки и участія, онъ обращался съ готовой жалобой: „а у меня, баринъ, того... сынъ на этой недѣлѣ померъ“.

— Поѣзжай, поѣзжай, отвѣчаетъ страдальцу сѣдокъ, этакъ мы и до завтра не доѣдемъ... Всѣ дальнѣйшія, обращенія истомленнаго горемъ человѣка остались безотвѣтными, и обращаться дальше къ людямъ оказалось бесполезнымъ. Въ этомъ простомъ, живомъ, талантливомъ разсказѣ Чеховъ показалъ намъ людей, которые имѣютъ очи и не видятъ, имѣютъ уши и не слышатъ, которые имѣютъ разумъ и память, но забыли, что на землѣ есть страданія и есть страдальцы. Мы здѣсь встрѣчаемся съ тою черствостью души, съ тѣмъ безучастіемъ къ людямъ, которое свидѣтельствуетъ о слабомъ развитіи чувствъ. Это—люди ума, это интеллигенты, это остроумные субъекты, веселые, забавляющіеся люди и въ тоже время—это нравственные слѣпцы: похоронный маршъ, слезы и вздохи воспринимаются ихъ умомъ, но не отражаются въ ихъ чувствѣ.

Приведенные примѣры, заимствованные изъ художественной литературы, показываютъ, что дѣлается съ человѣкомъ, когда у него чувство недостаточно развито, когда оно понижается и угасаетъ отъ жизненныхъ условій или отъ болѣзни.—„Я уже лѣтъ нѣсколько замѣчала это на себѣ самой, говоритъ героиня у Вересаева. Что такое дѣлается? Во мнѣ все словно сохнетъ, какъ сохнетъ вѣтка дерева; ея форма, весь ея наружный видъ,—все какъ будто остается прежнимъ, а между тѣмъ въ ней нѣтъ гиб-

кости, нѣтъ жизни, она мертва до самой сердцевины. Вотъ такъ и со мною. Какъ будто ничего не измѣнилось; взгляды, цѣли, стремленія,—все прежнее, но отъ нихъ все больше отлетаетъ духъ". („На поворотѣ", гл. XIII).

Существуетъ особый, частный видъ недоразвитія чувства—это недоразвитое или ослабѣвшее интеллектуальное чувство—роковое состояніе для успѣховъ ученія и школы. Нормально развитое интеллектуальное чувство—есть чутъе истины, влекущее насъ къ познанію и дѣлающее для насъ непріятнымъ незнаніе; интеллектуальное чувство побуждаетъ насъ къ умственному труду, къ упорядоченію нашихъ мыслей, къ систематизаціи нашихъ знаній, заключеній выводовъ и, наконецъ, возбуждаетъ насъ радостной перспективой возникновенія новыхъ открытій и успѣховъ истины. У лицъ, оканчивающихъ наши гимназіи, Московскіе профессора (мнѣніе двѣнадцати) нашли отсутствіе любознательности, интереса къ наукѣ. Вѣроятной причиной этого послужило чисто формальное упражненіе ума при помощи классическихъ языковъ.

Правильное развитіе чувства имѣетъ чрезвычайно важное значеніе въ психологическомъ и жизненномъ отношеніи. Чувство стоитъ во главѣ душевныхъ процессовъ, и всякое пониженіе чувства, даже простое упражненіе его грозитъ человѣку опасностью психическаго замедленія, психической остановки или регресса... Мы отмѣтимъ лишь три важнѣйшія послѣдствія упадка чувства; они состоятъ:

- 1) въ упадкѣ идеализма и идеальныхъ стремленій общества;
- 2) въ упадкѣ воспитательнаго воздѣйствія старшихъ поколѣній на младшія—отцовъ на дѣтей и, наконецъ,
- 3) въ нарастаніи количества преступленій и самоубійствъ.

Важность этихъ послѣдствій не требуетъ поясненій. Замѣтимъ только, что часть тѣхъ недостатковъ, которые нами такъ охотно приписываются современному юношеству, коренятся въ насъ самихъ, и этимъ несомнѣнно объясняется упадокъ воспитательнаго воздѣйствія старшихъ поколѣній на младшія. Это съ положительностью можно усмотрѣть въ современныхъ анналахъ художественной литературы,—въ произведеніяхъ новѣйшихъ писателей.

Нѣкоторые изъ этихъ новѣйшихъ или, какъ ихъ называютъ, молодыхъ писателей взяли на себя задачу художественныхъ разысканій и художественнаго разрѣшенія вопроса, что́ станетъ съ людьми, съ обществомъ, если въ немъ ослабѣетъ чувство и понизятся идеальныя стремленія. Отвѣтъ на это даютъ Леонидъ Андреевъ и Максимъ Горькій. Оба писателя художественными образами и свѣжими красками, взятыми изъ современной дѣйствительности, иллюстрируютъ уже давно извѣстную истину нравственной философіи, относительно которой, тѣмъ не менѣе, родъ человѣческой еще очень и очень тупъ! Молодые писатели вновь и вновь рисуютъ намъ яркую картину

нашего духовнаго портрета: они показываютъ, что въ насъ, все еще, живо и сильно злое начало нашихъ инстинктовъ и нашей души. что внутри насъ, въ самыхъ нѣдрахъ души, живетъ звѣрь, какъ выражается французскій романистъ, и что необходима неусыпная бдительность, чтобы охранять себя отъ этаго звѣря. Сократъ, въ своей защитительной рѣчи на судѣ, приговорившемъ его къ смерти, выражается что легче охранять себя отъ смерти, чѣмъ отъ преступленія, ибо прежде, чѣмъ наступитъ смерть, человѣкъ совершаетъ много преступлений. Біологъ и психологъ-эволюціонистъ сказали бы, что подобно тому, какъ въ организмѣ человѣка есть, уже ставшіе бесполезными, пережившіе свое время органы, въ родѣ червеобразнаго отростка кишки, дающаго знаменитый въ наши дни аппендицитъ — такъ же точно въ душѣ человѣка, въ его нервно-психическомъ складѣ скрыты аппараты и функціи, которые когда-то, въ отдаленныя біологическія времена, играли первую роль, какъ напр. аффекты гнѣва и страха, а теперь они уступили мѣсто высшимъ функціямъ и подчинены ихъ власти. Однакъ, въ удобную минуту, съ коварствомъ личнаго врага человѣка, эти біо-психическіе пережитки просыпаются изъ своей подлой летаргіи и измѣнически, какъ слѣпныя орудія зла, захватываютъ власть въ свои руки и овладѣваютъ душой. Герои Максима Горькаго, а въ особенности, Леонида Андреева служатъ неопровержимымъ показателемъ упадка чувства и идеальныхъ стремленій въ нашемъ обществѣ. Два талантливые писатели вовсе не думаютъ развращать насъ реальностью своихъ произведеній, какъ нѣкоторые думаютъ, но они предостерегаютъ насъ отъ опасности, они разоблачаютъ скрытое зло, они какъ-бы говорятъ: слушайте! слушайте! въ васъ, въ вашемъ обществѣ упала идеальность, ослабѣли высшія чувства, и вы, произнося хорошія слова, провозглашая великіе принципы, считая себя готовыми преобразовать общество и общественные устои — вы очень самонадѣянны, вы не сдѣлали главнаго — не преобразовали вашу собственную душу. Въ отношеніи нравственнаго развитія общества немалое число людей находятся въ заблужденіи: они думаютъ что прогрессъ общественной жизни зависитъ только отъ усовершенствованія политическихъ формъ и соціальныхъ отношеній. Другіе приписываютъ главную роль нравственному усовершенствованію личности. Левъ Толстой, и въ своихъ художественныхъ, и въ своихъ философскихъ произведеніяхъ, держится этаго послѣдняго взгляда. Онъ издавна и до послѣдняго времени („Великій Грѣхъ“) неутомимо напоминаетъ обществу о необходимости и долгѣ индивидуальнаго нравственнаго усовершенствованія, наряду съ политическимъ и соціальнымъ прогрессомъ Толстой даже признаетъ, что индивидуальный прогрессъ долженъ предшествовать другимъ видамъ прогресса. Не станемъ объявлять за это войну великому писателю, какъ нѣкоторые дѣлаютъ, лучше подумаемъ объ его діагнозѣ и прогнозѣ! ¹⁾

¹⁾ Діагнозъ въ медицинѣ — распознаваніе болѣзней; прогнозъ — предусмотрѣніе хода болѣзни.

Милостивые Государи! Въ Тургеневскую эпоху жили наши отцы, а въ Чеховскія времена живемъ мы, и кисть художника брала для себя краски въ той дѣйствительности, которую мы съ вами составляемъ. Надъ этимъ слѣдуетъ призадуматься! Писатели—это пророки; ихъ голосъ—это голосъ чуткой общественной совѣсти, той совѣсти, которая имѣетъ очи и видитъ, имѣетъ уши и слышитъ. Не будемъ же обвинять нашихъ пророковъ, не станемъ говорить, какъ это часто слышится: „Толстой устарѣлъ“, „Андреевъ невозможенъ по своей реальности“ и т. п. Не будемъ обвинять другихъ для оправданія себя.

Вторымъ крупнымъ недостаткомъ средней школы представляется отсутствіе заботъ о развитіи воли. Между тѣмъ, въ дѣлѣ воспитанія, развитіе воли имѣетъ почти такую же важность для гармоніи души какъ и развитіе чувствъ. Безъ надлежащаго развитія воли нѣтъ дѣятельности, и вмѣсто жизни наступаетъ въ душѣ царство нытья и вздоховъ отъ сознанія своего безсилія—того рокового безсилія въ борьбѣ со зломъ и въ отстаиваніи своихъ убѣжденій и своей нравственной личности,—которое столь нерѣдко приводитъ человѣка къ самоубійству.

Такъ какъ слабость воли составляетъ національную черту русскаго какъ и другихъ славянскихъ народовъ, то изображеніемъ этого недостатка изобилуетъ наша художественная литература. Обломовъ сталъ нарицательнымъ именемъ недѣятельнаго человѣка, а рефлексія и нытье, издавна свойственныя русскому образованному человѣку, выражаютъ фактъ Гамлетовской задержки на точкѣ обдумыванія при неспособности перейти къ рѣшимости и дѣйствию. Чеховъ и Вересаевъ даютъ самые яркіе образцы сознаваемаго человѣкомъ собственнаго безсилія и немощи предъ перспективой дѣйствія. Въ этомъ лежитъ глубочайшая причина нашей неспособности провести наши убѣжденія въ жизнь (и тогда мы разыскиваемъ виновниковъ, мѣшающихъ будто-бы намъ реализовать нашу волю!). Въ слабости воли лежитъ и другое великое зло—наша неспособность отстоять нашу собственную личность въ борьбѣ съ самимъ собою или въ борьбѣ съ другою болѣе насъ сильною волей: мы сдаемся предъ нашими собственными увлеченіями и страстями, сами то сознавая; мы также легко уступаемъ другому лицу, подчиняясь сильной волѣ. Оттого нами безъ труда овладѣваетъ любой фанатикъ, даже тупой и неразвитой. Подобно тому какъ тонкимъ и умнымъ Александромъ I овладѣлъ грубый Аракчеевъ и дикій Фотій; такъ и мы способны поддаться любому оратору сходки, любому фанатику идеи, чувствуя при этомъ полное нежеланіе итти за нимъ, сознавая даже нелѣпость пути, на который насъ ведутъ. Таковъ нашъ національный русскій характеръ.

Въ вопросѣ о развитіи воли есть одна сторона, имѣющая особое значеніе. Психологія народовъ уже давно отмѣтила особенность Славянскій расы—слабость воли. Въ воспитаніи Славянскаго юношества необ-

ходимо придать особое значеніе развитію воли, чтобы этимъ путемъ достигнуть истинной гармоніи духа. Славянскому народу часто не доставало силы воли: онъ, то, не заканчивалъ послѣдняго штриха, послѣдняго движенія въ дѣлѣ, уже исполненномъ на $\frac{9}{10}$, то, наоборотъ, подъ влияніемъ чувства и одушевленія начиналъ дѣло, которое еще не созрѣло и не могло бы быть исполнено даже націей съ болѣе сильной волей. Мы то не доканчиваемъ почти готоваго дѣла, то слишкомъ рано начинаемъ новое. Постоянно, мы то запаздываемъ, то безъ мѣры торопимся. Болѣе насъ опытные народы говорятъ про насъ, что намъ то не достаетъ воли, то у насъ нѣтъ самообладанія, и мы часто раскрываемъ нашему противнику программу, которую мы вовсе не готовы исполнить, и лишь торопливо заявляемъ о ней, какъ о нашемъ вѣроисповѣданіи. Въ этомъ сказывается легкомысленная сила словеснаго рѣшенія, а не сила реализующей воли. Совершенно тоже замѣчается въ нашемъ юношествѣ, и оттого оно нерѣдко подпадаетъ подъ ферулу юношества инородческаго, быть можетъ, не имѣющаго всѣхъ нашихъ достоинствъ, но зато и свободнаго отъ нашихъ недостатковъ... Необходимо при воспитаніи русскаго юношества принять во вниманіе наши природныя черты, какъ дѣлаютъ Нѣмцы для своего юношества и Англичане—для своего.

Если, послѣ высказанныхъ положеній и фактовъ, мы еще разъ вернемся къ нашей педагогической дѣйствительности и къ условіямъ, какія созданы средней школой; то, какъ уже было сказано выше, главнѣйшимъ зломъ, внесеннымъ въ русскую жизнь было то, что школа, развивая умъ и пренебрегая воспитаніемъ чувства и воли, усилила нашу природную односторонность и тѣмъ привела юныя поколѣнія къ формальному душевному искалѣченію! Отечественный языкъ и литература—лучшіе менторы чувствъ и воли поставлены ниже Латинскаго и Греческаго языковъ!

Самый Уставъ гимназій является чудовищнымъ документомъ, показывающимъ, какъ глубоко было педагогическое непониманіе у его составителя, графа Дмитрія Андреевича Толстого! Въ Уставѣ (ст. 1465-я, 1487-я, 1505-я, 1547-я) не высказано никакихъ педагогическихъ принциповъ и основаній, а въ конкретныхъ статьяхъ всему педагогическому персоналу придано извращенное назначеніе; такъ:

- Попечитель Округа является простымъ Администраторомъ;
- Директоръ гимназіи состоитъ ея Начальникомъ;
- Преподаватели низведены въ Учителей;
- Воспитанники обращены въ учениковъ;
- Воспитателямъ даны функціи надзора.

Во всѣхъ статьяхъ Устава забыто самое главное т. е. воспитаніе; даже статья о библіотекѣ — этомъ важнѣйшемъ инструментѣ школы — формулирована страннымъ образомъ. Статья 1485-я гласитъ:

Каждая гимназія должна имѣть бібліотеку, состоящую: а) изъ книгъ, могущихъ способствовать обогащенію учителей познаніями и б) изъ книгъ, предназначенныхъ для употребленія учащимся. Такимъ образомъ, бібліотека, состоящая изъ неучебныхъ книгъ и являющаяся могущественнымъ педагогическимъ орудіемъ, предназначена, по выраженію статьи закона, не для воспитанія, не для образованія юношества, а для употребленія учащимся—но съ какою цѣлью?—отвѣта нѣтъ! Очевидно, составитель Устава гимназій былъ чуждъ мысли, что бібліотека представляетъ собою важнѣйшее орудіе нравственнаго развитія, т. е. развитія чувства и воли. Какъ мы видѣли выше, составитель Устава точно также не могъ понять, какое значеніе и какая педагогическая роль принадлежитъ въ дѣлѣ воспитанія: Попечителю, Директору, Преподавателю, Воспитателю и самому Ученику.

Уставъ гимназій Графа Толстого останется навсегда, въ исторіи отечественнаго просвѣщенія, памятникомъ упрямаго обскурантизма, готоваго вести агнцевъ на закланіе!

III. Высшее воспитаніе.

Какъ!.. Развѣ воспитаніе не заканчивается въ средней школѣ?... Развѣ возможно воспитывать слушателей высшихъ курсовъ, студентовъ духовной академіи, студентовъ университета?... Да! милостивые государи!... Мы съ вами все еще продолжаемъ наше воспитаніе и самовоспитаніе, и хорошій человѣкъ воспитывается до конца своихъ дней. Воспитаніе есть нравственное усовершенствованіе, и никто, никогда, ни на одну минуту не долженъ пріостанавливать этотъ высокій нравственный процессъ. Если дѣло нравственнаго усовершенствованія ослабѣваетъ или падаетъ въ старшихъ поколѣніяхъ, то это неминуемо приводитъ къ пониженію ихъ воспитательнаго вліянія на младшія поколѣнія. Въ современной жизни, отвѣтственность за многое изъ того, въ чемъ мы такъ охотно обвиняемъ юношество, должно быть нами взято назадъ и перенесено со здоровой головы на больную.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію основъ высшаго воспитанія, позвольте мнѣ сказать, что въ этомъ важнѣйшемъ педагогическомъ вопросѣ мой голосъ и мое мнѣніе едва ли могутъ имѣть особый авторитетъ для такого высокаго собранія людей науки и жизненнаго опыта, какъ настоящій Съѣздъ Психіатровъ съ его многочисленными гостями. Въ эту минуту я считаю своей глубочайшей нравственной потребностью высказать мнѣніе того человѣка, который былъ великимъ ученымъ, славнымъ писателемъ, благороднымъ гражданиномъ и незабвеннымъ другомъ и руководителемъ людей. Вы всѣ знаете, что это былъ Ник. Ив. Пироговъ, бывший Попечитель Кіевскаго Учебнаго Округа. Подобно великому Чеху, Амосу Коменскому, Пироговъ принадлежалъ къ числу великихъ

педагоговъ и обладалъ тайною воспитывать и юношество и старшія поколѣнія.

Идеи Пирогова о высшемъ воспитаніи полны такой глубокой правды, такой свѣжести и новизны, что ознакомленіе съ ними представляетъ неувядающій интересъ, въ особенности, если подумаемъ, что эти идеи высказаны были пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, когда большая часть изъ насъ еще не родились на свѣтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ идеи Пирогова столь жизненны, что не только въ настоящую минуту, но вѣроятно еще долгое время впередъ онѣ останутся неосуществленными въ жизни: въ такой степени онѣ опередили свое время. Порадуемся тому, что Указомъ 27-го авг. этого года осуществлена значительная часть идей Пирогова!

Но что же это за личность, которая до такой степени опередила свой вѣкъ? Пусть отвѣтятъ намъ его ученики и бывшіе товарищи его педагогической дѣятельности. Профессоръ Вальтеръ, ученикъ Пирогова, говоритъ: „Великій анатомъ, великій врачъ оставляетъ медицинскую кафедру, и, о чудо! анатомъ, хирургъ и испытатель матеріи въ природѣ человѣка дѣлается поборникомъ его духовнаго начала. Онъ требуетъ признанія и развитія достоинства человѣка, въ знаменитыхъ строкахъ о вопросахъ жизни онъ кладетъ руку на больное мѣсто въ воспитаніи русской молодежи, но кладетъ ее какъ врачъ, для исцѣленія ранъ“... Николай Ивановичъ не воевалъ противъ зла, онъ возвышалъ, укрѣплялъ приверженцевъ добра, онъ увлекалъ ихъ теплотою чувствъ и закрѣпилъ ихъ увлеченіе убѣжденіемъ и разсудкомъ“. Н. Х. Бунге, бывшій проф. Кіевского университета, а потомъ Предсѣдатель Комитета Министровъ, говоритъ: „главная тайна вліянія Пирогова заключалась въ томъ, что онъ всю свою жизнь отдалъ на служеніе наукѣ и нравственному авторитету и проводилъ этотъ принципъ въ дѣлѣ воспитанія. Всю свою великую власть надъ людьми Пироговъ основывалъ на внутреннемъ убѣжденіи, которое онъ старался вызвать въ человѣкѣ. Его слѣдуетъ, поэтому, назвать основателемъ и представителемъ нравственнаго принципа въ дѣлѣ воспитанія“.

Человѣкъ, подобный Пирогову, опередившій свой вѣкъ на пятьдесятъ, но вѣрнѣе на сто лѣтъ, естественно, не могъ быть понятъ своими современниками; только болѣе талантливые изъ нихъ понимали его и творили его дѣло. Самъ Н. И. Пироговъ въ своей прощальной рѣчи къ студентамъ Унив. Св. Влад. въ 1861 году говоритъ: „Я былъ приготовленъ къ тому, что меня вы не вдругъ поймете, и еще менѣе поймутъ ваши отцы и цѣлое общество.“ Такъ

и случилось. Пироговъ былъ уволенъ отъ государственной службы; онъ казался опаснымъ новаторомъ, идеалистомъ, который не знаетъ жизни. Самъ Пироговъ объясняетъ свою отставку отъ службы тѣмъ, что Министръ Нар. Просв. „дерзнулъ, какъ выражается Николай Ивановичъ, оклеветать его предъ Главою государства“... Этотъ Министръ былъ Дмитрій Андреевичъ Толстой, основатель такъ называемый классической, а какъ выражается Съченовъ, гибельной системы воспитанія. Система эта 35 лѣтъ тяготѣла надъ русской Средней Школой. Сущность ея, какъ мы уже видѣли, состоитъ въ замѣнѣ воспитанія холодной дисциплиной и дрессировкой ума. Она обратила среднюю школу въ обширную казарму въ то самое время, когда трудами тогдашняго Военнаго Министра, нынѣ девяностолѣтняго старца, Дмитрія Алексѣевича Милютина, военная казарма была обращена въ народную школу, гдѣ русскій народъ началъ учиться грамотѣ, которой ему не давало Министерство Нар. Просвѣщенія. Утѣшимся, что эти печальныя времена уже, повидимому, очень скоро пройдутъ, и въ нашемъ отечествѣ наступитъ эра новаго воспитанія для дѣтей и для юношества!

Намъ, людямъ старшаго поколѣнія, предстоитъ подняться, чтобы стать въ уровень съ новыми педагогическими задачами и требованіями. Дѣло это весьма нелегкое и можетъ быть осуществлено единственно въ томъ случаѣ, если слѣдовать принципамъ, провозглашеннымъ Ник. Ив. Пироговымъ. Профессорамъ и Совѣтамъ высшихъ учебныхъ заведеній предстоитъ теперь столь благородная и возвышенная задача и въ то же время столь трудный подвигъ, какого еще никогда не знала наша высшая школа. Отнынѣ профессоръ уже не можетъ ограничиться тѣмъ, чтобы быть только преподавателемъ, но долженъ, не переставая быть преподавателемъ, стать товарищемъ, другомъ, братомъ, отцомъ учащагося юношества. Но чтобы исполнить этотъ сложный долгъ, необходимо нравственно подняться во весь ростъ, необходимо мобилизовать всѣ свои духовныя силы, быть можетъ,—предстоитъ перевоспитаться и возложить на себя тотъ неусыпный трудъ, какого мы, преподаватели, еще не знали. Но таковъ именно смыслъ педагогическихъ принциповъ Пирогова... Отнынѣ мы, преподаватели высшихъ школъ, должны взять на себя подвигъ—относиться къ чужимъ дѣтямъ такъ, какъ хорошій отецъ относится къ своимъ собственнымъ дѣтямъ! Дѣло, возложенное на профессоровъ Высочайшимъ Указомъ 27 авг., не можетъ быть исполнено при иныхъ нравственныхъ условіяхъ.

Теперь учащееся юношество до вѣрно профессорамъ. Не скоро и не легко далось это довѣріе! Правда, и та дружественная страна, которую мы признаемъ стоящей выше насъ въ культурномъ отношеніи, республиканская Франція, также долго колебалась ввѣрить юношество профессорамъ и только въ 1896 году дала то, что намъ даетъ Указъ

27 августа. Только Германия и Англия давно довѣрили юношество профессорскимъ коллегіямъ. Тотъ фактъ, что профессора высшихъ учебныхъ заведеній такъ давно и такъ настойчиво ждали общенія со студентами и стремились къ нему, весьма знаменателенъ; это стремленіе дѣлаетъ величайшую честь ихъ педагогическому долгу и проницательности. Теперь, когда такое естественное право профессоровъ осуществлено, они приблизились къ тому положенію, которое такъ тонко изображено великимъ Англійскимъ естествоиспытателемъ (Гёксли) въ его рѣчи при открытіи Университета Джонса Гопкинса въ Балтиморѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ. „Житейскій опытъ, говоритъ онъ, показалъ мнѣ, что часто оправдывается на дѣлѣ истина, которая очень походитъ на парадоксъ, т. е. что самыя большія трудности начинаются для человѣка тогда, когда онъ получаетъ возможность сдѣлать то, что онъ желаетъ. Пока человѣкъ борется съ препятствіями, его неудачи или медлительность извинительны; но затѣмъ, когда судьба устраняетъ всѣ ихъ и дастъ ему возможность дѣйствовать такъ, какъ онъ считаетъ лучшимъ, для него начинается время испытанія. Вѣрный путь только одинъ, но возможность ошибокъ безконечна“. Профессора Высшихъ Учебныхъ Заведеній, вѣроятно, примутъ къ свѣдѣнію эти слова великаго человѣка, притомъ—профессора.

Итакъ, профессорамъ и преподавателямъ предстоитъ подготовиться и къ перспективѣ испытаній и къ возможности ошибокъ, которыя неизбежны для нихъ, какъ неизбежны для всѣхъ вообще и для всякаго существа изъ рода *homo sapiens*. Никто не долженъ забывать, что и профессора люди; слѣдуетъ также помнить, что и дѣло, врученное имъ Указомъ 27 августа—одно изъ самыхъ трудныхъ; да оно и не можетъ быть инымъ послѣ дватцатилѣтняго разрыва педагогической нити.

Болѣе труднаго положенія не бывало! Истинный путь утраченъ отъ частыхъ уклоненій въ сторону! Какъ въ безбрежномъ океанѣ только звѣзда небосклона можетъ указать должное направленіе, такъ въ нынѣшнія трудныя времена голосъ великаго человѣка можетъ дать намъ выходъ. Нашей педагогической звѣздой пусть послужитъ Н. И. Пироговъ! Бывшій профессоръ, бывшій Попечитель Кіев. Учеб. Окр. Н. И. Пироговъ, одно имя котораго вызываетъ въ нашей душѣ всѣ лучшіе порывы, пусть этотъ великій человѣкъ, котораго не слушали при жизни, научитъ насъ въ трудныя минуты предстоящихъ намъ испытаній въ запутанномъ до послѣдней ступени педагогическомъ дѣлѣ!

Углубимся въ принципы, которыми, по указанію Николая Ивановича, слѣдуетъ руководиться при воспитаніи юношества въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Первымъ и безусловнымъ актомъ высшаго воспитанія должно быть совершенное прямодушіе. Въ дѣлѣ воспитанія нѣтъ мѣста умолчаніямъ, извилистой политикѣ, бюрократической важности и тайнственности. Все эти искусственные приемы для достиженія нравственнаго перевѣса одной личности надъ другою должны быть рѣшительно и навсегда оставлены: они не относятся къ педагогическому инструментарию. Въ воспитаніи все должно быть прямо, открыто гласно.

„Дѣйствія Ваши, говорилъ Николаю Ивановичу Пирогову его Помощникъ, при прощаніи Кіева съ Пироговымъ 45 лѣтъ тому назадъ, — дѣйствія Ваши, Николай Ивановичъ, были такъ прямы, открыты, гласны, что говорить объ нихъ значить выражать въ словѣ то, что живо напечатлѣно въ мысли и сердцѣ всѣхъ и cadaго изъ насъ, и что не въ нашемъ только небольшомъ кругу, но во всѣхъ мѣстахъ Россіи и за ея предѣлами приобрѣло такую же извѣстность, какъ и славное имя Ваше.“ Эти слова не были только застольной рѣчью; авторъ ихъ беретъ во свидѣтельство высказываемой имъ правды всѣхъ насъ, нынѣ живущихъ людей: онъ говоритъ, что плоды того воспитанія, которое Николай Ивановичъ давалъ ихъ поколѣнію, такъ благотворны, многозначительны, велики, что составляютъ обильный источникъ постоянныхъ благодарныхъ воспоминаній даже для поколѣній послѣдующихъ и займутъ лучшія страницы въ исторіи отечественнаго просвѣщенія... Вы видите, м. м. г. г., какъ это пророчество оправдывается въ наши дни!

Вторымъ педагогическимъ принципомъ Николая Ивановича было то, что онъ основывалъ свою власть на преданности наукѣ и на внутреннемъ убѣжденіи. Благоговѣніе преподавателя предъ наукой и сила внутренняго убѣжденія придаютъ силу и самому его вліянію на молодежь. То, что не сдѣлаетъ обыкновенный профессоръ, сдѣлаетъ убѣжденный человѣкъ науки.

Въ своемъ третьемъ педагогическомъ принципѣ Пироговъ открываетъ тайны своего глубокаго вліянія на людей. Въ рѣчи къ студентамъ Унив. Св. Вл. въ 1861 году Пироговъ говоритъ: „Надѣюсь, вы успѣли убѣдиться, что я основывалъ мои отношенія къ вамъ на томъ же нравственномъ довѣріи къ вамъ, котораго имѣлъ право требовать и отъ васъ, потому что я дѣйствовалъ прямо, и знаю, что на молодость нельзя дѣйствовать иначе, какъ приобрѣвъ ея полное довѣріе. Вѣра, довѣріе сильнаго духомъ человѣка къ своему брату-человѣку является тѣмъ могучимъ рычагомъ, который поднимаетъ слабого человѣка до высоты сильнаго, юнаго до высоты зрѣлаго.“

Пироговъ вѣрилъ, что юности присуще чувство долга, благородство мыслей и стремленіе къ правдѣ, какъ и всѣ другія высокія стремленія духа; онъ видѣлъ въ „увлеченіяхъ“ юности не всегда одно только увлеченіе, но своимъ чистымъ взглядомъ открывалъ въ порывахъ юности стремленія высокія и благородныя, усматривалъ въ нихъ проявленіе той грозной борьбы, которую суждено вести человѣческому духу за дорогое ему стремленіе къ истинѣ и совершенству. Возвышенное понятіе о юности, умѣнье проникнуть въ тайники ея лучшихъ чувствъ и глубокая вѣра въ добро, заложенное въ юныхъ душахъ, дали Пирогову нравственную мощь поддерживать всѣми силами то доброе, что онъ успѣлъ открыть въ юныхъ душахъ. Онъ поддерживалъ все возвышенное и доброе и въ этомъ нашелъ нравственный рычагъ для поднятія уровня студенческой души.

Но не одна только умственная проницательность и знаніе юной души открыли Пирогову ключъ къ нравственному вліянію на молодежь. Тайна нравственной власти Пирогова надъ людьми скрывается въ его личности, въ возвышенной душѣ, въ благороднѣйшихъ чувствахъ и стремленіяхъ, живымъ олицетвореніемъ которыхъ былъ онъ самъ.

Благодаря чистой, прекрасной юности, которую Пироговъ провелъ, онъ и состарившись, какъ самъ говоритъ, не утратилъ способности понимать и чужую молодость, любить ее и, главное, уважать ее... „Мы всѣ знаемъ, говоритъ Пироговъ, что нужно почитать стариковъ, потому что старики—наши отцы и дѣды, и каждый изъ насъ чѣмъ-нибудь имъ обязанъ. Глядя на старость, мы вспоминаемъ доброе. Слабости и худое забываются при взглядѣ на сѣдину. Но не всѣ знаютъ, что и молодость должно уважать“.

Обращаясь къ лучшимъ сторонамъ юношеской природы и понимая ее, Пироговъ, какъ самъ выражался, любилъ и уважалъ молодость. Какъ много содержится въ этихъ простыхъ словахъ, которыя были подкрѣплены самымъ дѣломъ! „Вы увѣрились, говоритъ онъ студентамъ, что я водворялъ въ васъ уваженіе къ закону, дѣлу и власти не угрозами, не преслѣдованіемъ, не скрытно, а прямымъ и гласнымъ убѣжденіемъ и примѣромъ“. Итакъ, мужественная проповѣдь добра и осуществленіе этого добра въ жизни на самомъ дѣлѣ—вотъ что необходимо, чтобы проповѣдь имѣла силу. Но такую, именно, высокую программу воспитанія находимъ у Пирогова. Въ наше время высшимъ учебнымъ заведеніямъ необходимо вступить на этотъ путь, уже проверенный опытомъ великаго человѣка. Иного пути нѣтъ и не можетъ быть! Педагогическій путь не имѣетъ ничего общаго съ административными приѣмами, которые, лишь въ силу глубокаго заблужденія, доселѣ примѣнялись къ высшей школѣ и привели къ ги-

бельнымъ послѣдствіямъ. Итакъ, безотлагательно—на новый путь, указанный Пироговымъ!

На новомъ педагогическомъ пути намъ, обыкновеннымъ смертнымъ, предстоятъ великія трудности. Онѣ одинаково касаются и учащихся и учащихся. Задержки и перерывы въ ходѣ педагогическаго и нравственнаго усовершенствованія, происходившія въ послѣднія 15 лѣтъ въ жизни большей части высшихъ учебныхъ заведеній, нарушили стройность работы, и, что еще серьезнѣе—порвали ту неустанность и неусыпность, которая является основнымъ условіемъ духовной жизни и ея прогресса. Умственная работа, какъ и самая мысль, никогда не должны въ человѣкѣ ни пріостанавливаться, ни прерываться: всѣ великіе люди знали, что малѣйшіе перерывы въ работѣ губительны для успѣховъ духа. Афоризмъ великихъ художниковъ, великихъ писателей, великихъ дѣятелей выражается у всѣхъ почти одними и тѣми же словами: „ни одного дня безъ черты, безъ штриха“, говоритъ Леонардо да-Винчи; „ни одного дня безъ строки, безъ стиха“ говорятъ наши великіе писатели и поэты (Гоголь, Пушкинъ, Екатерина Великая). Но тѣ же требованія относятся и къ нравственной работѣ: нравственная жизнь, подобно брошенному вверхъ тѣлу, идетъ впередъ, но, разъ остановившись, направляется внизъ. Важность непрерывной систематической работы и постоянное упражненіе всѣхъ душевныхъ функцій нашло себѣ въ недавнее время новое подтвержденіе въ изслѣдованіяхъ мозга великихъ людей. Мозгъ Гельмгольца оказался необыкновенно развитымъ во всѣхъ своихъ частяхъ: особенно были развиты ассоціативные центры и звуковой центръ (музыкальный центръ). Гельмголецъ не закопалъ въ землю ни одного изъ талантовъ, вытекавшихъ изъ строенія его мозга. Будучи великимъ физикомъ и математикомъ, онъ занимался философіей, любилъ музыку и предавался ей во всякую свободную минуту, по праздникамъ-же читалъ греческихъ классиковъ въ подлинникѣ. Великій человѣкъ прислушивался ко всѣмъ запросамъ своей души, внимательно оцѣнивалъ работоспособность каждаго изъ нервныхъ центровъ своего мозга и старался постоянно держать въ напряженіи каждую территорію и всякій отдѣлъ своего несравненнаго мыслительнаго прибора: онъ искалъ умственной работы и ея разнообразія.

Психологическія, въ особенности, психометрическія изслѣдованія надъ процессами умственной работы показали, что непрерывная работа постоянно совершенствуетъ нервныя механизмы и приводитъ къ ускоренію самой работы; оттого неусыпный труженикъ гораздо болѣе работоспособенъ, чѣмъ труженикъ иного рода: всякій предыдущій день работы облегчаетъ и ускоряетъ работу слѣдующаго дня, всякій же перерывъ работы понижаетъ работоспособность. Разъ достигнутая высота умственной работоспособности, называемая состояніемъ упражненія (Kraepelin), при правильной работѣ,

продолжаетъ оставаться неопредѣленное долгое время въ качествѣ благопріобрѣтеннаго духовнаго дара, обезпечивая человѣку успѣшность его занятій и силу его нравственности; но перерывъ въ работѣ или нравственномъ долгѣ можетъ лишить человѣка пріобрѣтеннаго имъ высокаго дара. Всѣ усвоенныя усовершенствованія въ нервно-психическихъ отправленіяхъ сохраняются на срокъ до шести—восьми недѣль, а затѣмъ должны быть освѣжены новой работой и упражненіями. Высшая форма умственной работы называется состояніемъ увлеченія (Amberg). Оно является плодомъ долговременнаго пріученія себя къ непрерывной умственной работѣ. Этотъ высшій потенциалъ умственной работы утрачивается послѣ 50—70 часового перерыва работы, но перерывъ въ 20—40 часовъ не нарушаетъ достигнутыхъ успѣховъ. Разъ утраченная работоспособность—въ формѣ ли состоянія увлеченія или состоянія упражненія—должна быть вновь пріобрѣтена путемъ болѣе или менѣе продолжительнаго рабочаго упражненія, или напряженія. Въ этомъ состоитъ невыгодная сторона перерыва занятій.

Изъ указанныхъ сейчасъ научныхъ фактовъ вытекаетъ, что въ настоящій моментъ и для учащихся и для учащихся предстоитъ перспектива усиленныхъ трудовъ, чтобы возратить себѣ ослабленную или уменьшившую работоспособность. Профессора въ теченіе 25 лѣтъ отдалены были отъ ихъ естественнаго, долженствующаго быть невозбраннѣмъ, долга и права нравственнаго учительства; учащіеся, которые могли-бы облегчить себя въ достиженіи умственныхъ и нравственныхъ успѣховъ *adhibito praesertote*, равнымъ образомъ не могли пользоваться невозбранно своей естественной педагогической привилегіей: стѣна, воздвигнутая изъ гибельныхъ камней недовѣрія, раздѣлила ученика отъ учителя! Нѣкоторымъ утѣшеніемъ въ скорби, причиненной намъ существованіемъ стѣны недовѣрія, можетъ послужить тѣ, что и во Франціи, какъ мы знаемъ, лишь недавно разрушена такая же стѣна, а у насъ въ этой стѣнѣ сдѣлана крупная брешь Указомъ 27 Августа. Но духъ человѣческой велики: сняты препоны, и имѣющая установиться гармонія постепенно исцѣлитъ насъ отъ долгой педагогической болѣзни—исцѣлитъ равно и учащаго и учащагося.

Взвѣсивая возможные шансы — *quo ad valetudinem completam*¹⁾, не можемъ не остановиться на одномъ существенномъ прогностическомъ²⁾ фактѣ. Продолжительный перерывъ занятій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ во многихъ случаяхъ, вѣроятно, причинилъ уже неисцѣлимое зло. Въ духовномъ развитіи часто время не ждетъ:

1) Т. е. до полного исцѣленія (мед. терминъ).

2) Прогнозъ (въ медицинѣ)—предсказаніе хода болѣзни.

то, что еще может быть полностью достигнуто сегодня, завтра не в той степени достижимо (Чаннингъ). Это въ особенности относится къ юношескому возрасту... Новѣйшія психологическія наблюденія показали, что между 15—22 годами жизни умственное и нравственное напряженіе стоитъ очень высоко, и въ этотъ періодъ достижимо самое полное развитіе и усовершенствованіе духовныхъ силъ; но уже за предѣлами этого возраста, для громаднаго большинства людей, условия измѣняются: лучшая пора жизни прошла! Эту глубочайшую истину Пироговъ, какъ великій самонаблюдатель, несомнѣнно зналъ раньше, чѣмъ ее узнала сама наука. Въ самомъ дѣлѣ, Пироговъ говоритъ, что онъ счастливъ тѣмъ, что его юность не прошла для него понапрасно... Просрочка въ дѣлѣ приобрѣтенія научныхъ званій, особенно въ дѣлѣ умственного и нравственного развитія, непоправима. Между тѣмъ, юноши иногда успокаиваютъ себя мыслью: „что я не успѣлъ сдѣлать сегодня, сдѣлаю завтра“... „пропущенное наверстаю“. Въ этихъ словахъ кроется самое грустное недоразумѣніе. То, что сегодня потеряно для духовнаго прогресса, останется навсегда безвозвратнымъ. Правда, можно задержать свою юность, возможно сдѣлать ее длительной: Гельмгольць, Шарко и Пироговъ были юны и въ семьдесятъ лѣтъ, но для этого требуется провести юность такъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ Пироговъ, говоря о своей юности.

Проведенныя въ высококомъ духовномъ напряженіи годы юности могутъ сдѣлать человѣка юнымъ на всю жизнь. Какое счастье! Все дряхлѣетъ у васъ, все старится, а ваша душа остается юной!.. Не говоря уже о талантливыхъ людяхъ, даже обыкновенному смертному доступно, въ этомъ отношеніи, нѣчто весьма существенное, именно—дана возможность дѣлать непрерывный, въ теченіи всей жизни, прогрессъ, избѣгать остановокъ и попятныхъ движеній и застраховать себя отъ регресса. Это достижимо только въ юности, и въ этомъ—самый важный долгъ юности. Всѣмъ намъ дорога наша юность, она дорога, какъ періодъ великаго преобразованія души, въ которомъ все возвышенное, сильное, доброе, чистое вступаетъ въ обладаніе душой и соединяется съ нею органически. Но для того, чтобы этотъ органическій процессъ юности совершился правильно, необходимы, со стороны юнаго существа, нравственныя усилія и напряженія, чтобы идти въ уровень съ раскрывающимися запросами души. Необходима величайшая нравственная бдительность, чтобы исполнить долгъ юности, который не менѣе, если не болѣе, важенъ, чѣмъ долгъ послѣдующихъ возрастовъ. Не должна быть пропущена ни одна минута! Притча о десяти дѣвахъ полна глубочайшаго жизненнаго смысла въ примѣненіи къ юности. Юность коротка, она проходитъ быстро, ея нельзя возвратить!

Вслѣдъ за юностью, иногда вдругъ, наступаетъ средній возрастъ. Правильно проведенная юность вноситъ въ зрѣлый возрастъ не только программы и планы, но и тотъ запасъ энергіи и внутреняго идейнаго напряженія, который является истиннымъ зерномъ будущаго большаго дерева индивидуальной жизни. Но если юность проведена не такъ, какъ должно, то наступаетъ не тотъ зрѣлый и полный подготовки средній возрастъ человѣка, какому надлежитъ быть по законамъ природы, но вмѣсто него на сценѣ явится средній возрастъ Чеховскихъ героевъ. Въ худшемъ случаѣ за юностью наступаетъ душевная старость. Въ этомъ съ точностью убѣдились современные наблюдатели-психологи. Но Пироговъ предостерегаетъ отъ перспективы еще болѣе опасной душевной переменъ. Онъ говоритъ: „Воспитаніе можетъ сдѣлать изъ человѣка старуху, не давъ ему быть ни мужчиною, ни женщиною, ни даже старикомъ.“ Вотъ опасность, возникающая изъ неправильнаго воспитанія и неправильно проведенной юности! Духовные задатки будущаго реакціонера кладутся въ юности и, оставаясь нѣкоторое время въ скрытомъ состояніи, проявляютъ себя въ среднемъ возрастѣ, т. е. около 25—30 лѣтъ, когда бывшій юноша отказывается отъ своей юности (какой ужасъ!) и начинаетъ думать, что его лучшіе юношескіе идеалы были „увлеченіемъ и бреднями“ незрѣлой души.

Въ нашемъ отечественномъ воспитаніи мы замѣчаемъ два крупныхъ недостатка: позднее вступленіе юношей въ высшую школу и недостаточныя, несистематическія занятія въ высшихъ школахъ. Въ нашихъ гимназіяхъ почти $\frac{3}{4}$ юношей оканчиваютъ курсъ въ возрастѣ двадцати и болѣе лѣтъ, а въ сосѣдней съ нами культурной странѣ — Германіи средній возрастъ поступленія въ высшую школу 18,2 лѣтъ т. е. Нѣмецкій юноша на два года раньше русскаго покидаетъ молоко средней школы, чтобы перейти къ настоящей духовной пищѣ высшей школы. Въ этой пересрочкѣ величайшій недостатокъ нашего воспитанія. Противъ этого проф. Сѣменовъ справедливо вооружается, говоря, что удлиненіе срока пребыванія въ гимназіи на счетъ пребыванія въ университетѣ, равносильно урѣзыванію высшаго въ пользу низшаго. Не должно быть ни пересрочекъ, ни перерывовъ въ дѣлѣ духовнаго развитія юношества! Пусть исчезнутъ даже изъ нашей памяти фактъ и слово „забастовка“ въ примѣненіи къ умственному труду. Пусть останется навѣки невѣдомымъ имя того Герострата, который подаль пагубную мысль перенести пріостановку работы изъ экономической сферы въ высшую область личнаго духовнаго усовершенствованія человѣка!

Въ дѣлѣ духовнаго усовершенствованія, нравственная область занимаетъ еще болѣе высокое положеніе, нежели область умственнаго развитія. Пироговъ въ этомъ отношеніи ставитъ слѣдующіе

принципы: „Безъ вдохновенія (безъ чувства) говорить онъ, нѣтъ воли, безъ воли нѣтъ борьбы, а безъ борьбы—ничтожество и произволь“. Итакъ, юноша, отказавшійся отъ борьбы или неспособный къ ней, представляетъ собою ничтожество,—нравственный нуль.

Но о какой борьбѣ говорить Пироговъ? Съ какимъ противникомъ долженъ сражаться юноша въ дѣлѣ своего нравственнаго усовершенствованія? Здѣсь Пироговъ разумѣетъ и самую личность борца и внѣшнія препятствія, ограничивающія личность. Для борьбы съ самимъ собою необходимо имѣть убѣжденія и стоять за нихъ горой предъ самимъ собою. Пироговъ предостерегаетъ отъ величайшей нравственной опасности—поступить предъ самимъ собою своимъ собственнымъ убѣжденіемъ—что сплошь и рядомъ дѣлаютъ люди, не успѣвшіе воспитать себя въ юности.

Теперь—о борьбѣ внѣшней, о борьбѣ съ другой личностью или съ другими личностями. Какъ вести эту борьбу? Своими великими нравственными принципами и всею своею жизнью Пироговъ старался убѣдить старшія и младшія поколѣнія въ томъ, что чужую личность необходимо безусловно уважать. Не уважая чужую личность, вы, очевидно, еще не научились уважать вашу собственную, вы еще не достигли самопознанія, какъ выражается Пироговъ, вы еще находитесь въ низшихъ классахъ школы нравственнаго усовершенствованія. Начните съ того, чтобы познать себя, ознакомьтесь безпристрастно и по совѣсти съ самимъ собою, со своими достоинствами и недостатками, со своими убѣжденіями. научитесь относиться къ самому себѣ честно, твердо и строго, уважайте сами себя и тогда вы на половину готовы къ борьбѣ съ другимъ. Теперь говоритъ Пироговъ если вы пытаетесь начать борьбу и убѣждаетесь, что вы не умѣете ее вести *безъ вражды*; не умѣете *любить* безпристрастно того, съ кѣмъ боретесь; не умѣете достаточно *оцѣнить* вашего врага: то это значитъ, что вы еще не готовы къ борьбѣ. Вамъ предварительно необходимо научиться *жертвовать* собою! Только при этомъ условіи вы поведете борьбу такъ, какъ надлежитъ ее вести честному и разумному человѣку, т. е.—съ умѣньемъ, терпѣніемъ и уваженіемъ противника, не прибѣгая ни къ злобѣ, ни мщению, ни къ дряннымъ приемамъ борьбы. Но если вы еще не научились ни самообладанію, ни самопожертвованію; если вы готовы вести борьбу безъ уваженія къ чужой личности и ея убѣжденіямъ; или, если ведете вашу борьбу съ раздраженіемъ и враждой, то вы не достигнете успѣха въ вашей борьбѣ, и въ самомъ лучшемъ для васъ случаѣ добьетесь фикціи: обезоружите вашего противника, уничтожьте его, распнете его на крестѣ, но ни мало не поколеблете идей и убѣжденій, на борьбу съ которыми вы выступили, и

эти идеи даже приобретутъ еще большій потенциалъ, благодаря вашимъ нападкамъ. Борьба должна быть честной, приемы борьбы должны быть чистыми и личность, съ которою вы боретесь, должна быть вами также уважаема, какъ и ваша собственная личность. Таковы идеи Николая Ивановича Пирогова, которыя онъ исповѣдывалъ въ своей жизни и которыми руководился въ своей дѣятельности и въ борьбѣ.

Быть можетъ кто нибудь усомнится въ справедливости идей Пирогова, быть можетъ, найдутся люди, которые и теперь назовутъ Пирогова опаснымъ идеалистомъ, какъ это многіе дѣлали при его жизни. Быть можетъ встрѣтится даже и такой, кто скажетъ: „опытъ жизни, практика жизни показываютъ намъ иное“. Да! практика показываетъ намъ совсѣмъ не то, чему училъ Пироговъ. Но теперь, послѣ протекшихъ пятидесяти лѣтъ, юношество, наконецъ, должно умѣть оцѣнить высокіе нравственные идеалы Пирогова и не предоставлять этой оцѣнки будущимъ юнымъ поколѣніямъ.

Какъ бы то ни было, идеи Пирогова восторжествуютъ; ибо сила добра и была, и во вѣкъ будетъ могущественнѣе силы зла. Вопросъ только въ срокъ!

Но необходимо всѣмъ нашимъ существомъ и всѣми фибрами нашей души поддерживать добро и бороться со зломъ—бороться какъ съ тѣмъ зломъ, которое живетъ внѣ насъ, такъ и съ тѣмъ, которое гнѣздится въ насъ самихъ. Зло—всегда зло, независимо отъ локализации! Будемъ помнить, какъ говоритъ Пироговъ, что это—грозная борьба, которую суждено вести человѣческому духу за дорогое ему стремленіе къ истинѣ и совершенству!

Впишемъ въ нашу память и начертаетъ въ нашемъ сердцѣ священный завѣтъ Пирогова о счастья правильно проведенной юности. Будемъ помнить, что въ жизни такъ мало идеализма и идеалистовъ, не забудемъ, что изсякаетъ истинно-нравственное одушевленіе и прибавляются Чеховскіе герои и тѣ Вересаевскіе „товарищи“, которые какъ выражается Вересаевъ, „начинаются уже въ университетѣ, гдѣ они, не то, что учатся съ радостнымъ чувствомъ познанія, но тянутъ грузъ разныхъ наукъ съ мыслью о будущемъ дипломѣ“. Половина, если не болѣе, этого зла происходитъ отъ ненадлежащаго воспитанія и недостаточнаго самовоспитанія. При видѣ такихъ фактовъ утѣшимся тою мыслью, что заря новаго истиннаго воспитанія показалась на горизонтѣ. Вѣримъ, что общими усиліями, общимъ величайшимъ напряженіемъ учащихъ и учащихся заря новой жизни поднимется также высоко, какъ звѣзда идеальнаго юноши Адеила, талантливо показанная намъ молодымъ писателемъ-идеалистомъ!

Позвольте мнѣ, м.м. г.г., закончить мое изложеніе словами Н. И. Пирогова, сказанными въ Москвѣ въ 1881 году, когда онъ, уже носив-

шій въ себѣ смертельную болѣзнь и звавшій, что его дни сочтены, дасть намъ свои послѣдніе завѣты о томъ, какъ бороться съ нравственнымъ зломъ, которое насъ окружаетъ, и какъ достигнуть господства нравственной правды. „Въ жизни великихъ націй и великихъ государствъ такъ же, какъ и въ жизни вселенной, говоритъ Пироговъ, бываютъ циклоны и ураганы, но и тамъ ни здѣсь они не могутъ измѣнить предвѣчныхъ законовъ жизни. Шекспиръ въ одномъ изъ великихъ произведеній своего генія, въ „Бурѣ“, изобразилъ намъ наглядно, въ образахъ Калибано и Просперо, грубую стихійную силу, гнѣздящуюся въ человѣческой натурѣ и подвластную только наукѣ и генію, но всегда готовую возмутиться, какъ скоро она выходитъ изъ-подъ вліянія этой власти. Мораль этого произведенія Шекспира можетъ быть выражена на нашемъ медицинскомъ языкѣ знаменитымъ изреченіемъ Гиппократата: *Contraria contrariis sunt remedia*, и всѣ опытные врачи вѣрно согласятся со мною, что недуги и нравственные и тѣлесные пользуются успѣшнѣе по принципу Гиппократата, чѣмъ по новому гомеопатическому правилу: *similia similibus curantur*“.

Такимъ образомъ Пироговъ даетъ намъ великій завѣтъ—бороться противъ зла не зломъ, и не злыми и злобными средствами, но противоположными средствами: не *similia similibus curentur*, но *contraria contrariis sunt remedia*, т. е. нравственное зло должно быть исцѣляемо добромъ.

Великій старецъ зналъ нашу человѣческую слабость, боялся, что его завѣтъ и на этотъ разъ не будетъ исполненъ современниками, какъ не были исполнены его прежніе завѣты. Онъ желаетъ поэтому подкрѣпить и одушевить насъ, и вотъ его послѣднія слова: „Вы видите предъ собою, мм. гг., человѣка прошлаго времени, стоящаго въ дверяхъ вѣчности, который смѣло васъ одушевляетъ надеждою и провозглашаетъ благоденствіе будущему, въ твердомъ упованіи, что Россія, пойдетъ по тому великому пути, который открытъ для нея безсмертными дѣлами Царя Освободителя!

3472